

М.В. Жукова

Интертекстуальный подход в исследовании творчества П.А. Флоренского

Жукова Марина Владимировна – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: mv.zhukova@list.ru

В статье освещается возможность рассмотрения наследия П.А. Флоренского через призму интертекстуального подхода. Для того чтобы определить актуальность интертекстуального подхода к исследованию данного вопроса, в статье артикулированы такие понятия, как «интертекст» и «интертекстуальность», а само наследие Флоренского рассмотрено с точки зрения представления Р. Барта о тексте. На основе сделанных выводов предлагается программа изучения работ П.А. Флоренского, которая заключается в рассмотрении наследия автора вне идеи восприятия им различных философских концепций, но с акцентом на прочтении текста и заложенных в нем смыслов. В противовес интертекстуальному подходу, где автор элиминирован и заменен скриптором, в статье резюмируется важность сохранения фигуры автора, хоть и в несколько сокращенной роли. Интертекстуальная оптика позволяет характеризовать работы Флоренского с точки зрения их высокой способности к генерированию новых текстов и смыслов.

Ключевые слова: Павел Флоренский, Ролан Барт, интертекст, интертекстуальность, постструктурализм, методология, философия языка, русская философия

Разговор о наследии П.А. Флоренского нередко начинается со слов о разносторонности его философско-богословского поиска и научных интересов. Как отмечал К.Г. Исупов [Исупов, ред., 2001, с. 9], многие современники Флоренского сходились во мнении о том, что он был истинным Леонардо да Винчи своего времени. Универсальный характер творчества русского мыслителя вносит дополнительные трудности в исследовательскую практику. Его творчество многогранно, объемно, порой противоречиво, но всегда открыто для правильно настроенного читателя. Показательно высказывание епископа Феодора, ректора Московской духовной академии, который говорил, что труды Флоренского заслуживают внимания как с философской, так и богословской стороны и будут интересны многим представителям образованного класса России [Там же, с. 242–243].

П.А. Флоренский как автор отличается высоким уровнем энциклопедических знаний и научной основательностью, о чем свидетельствуют замечания Исупова,

Ильина, Зёрнова [Исупов, ред., 2001, с. 14, 354, 450], при этом о стиле его мышления как философско-поэтическом писали Зеньковский, Струве, Фарыно [Там же, с. 432, 554, 680]. В силу этого каждый исследователь творчества Флоренского встает перед проблемой, как подойти к изучению мысли русского философа, чтобы не «упустить» ее главной интенции, выделить идею, найти ее смысловую нить и развернуть в наиболее полном виде. Иными словами, он оказывается перед вопросом о том, какой метод, исследовательская оптика, могут дать наиболее продуктивную интерпретацию творчества Флоренского.

Вышеозначенные проблемы побуждают нас выделить в исследовании работ Флоренского две стратегии: в отношении смысловой нагрузки и в отношении формы выражения, т.е. языка. Представляется, что такой подход позволит выявить основные тенденции, специфицирующие творчество Флоренского. Однако в первом случае он может привести к исключительно литературному разбору тропов и стилистических фигур, применяемых философом, во втором – к чисто лингвистическому изучению особенностей языка, которые определяют речь Флоренского и его способ говорения. Безусловно, каждый из подходов плодотворен, однако в результате может быть упущено содержание самой мысли.

В связи с этим эвристически продуктивным, с нашей точки зрения, может быть рассмотрение наследия Флоренского как интертекста. Теория интертекстуальности многообразна, располагает уже сформировавшимися подходами. Это дает нам основание попытаться применить ее в связи с анализом философского наследия Флоренского, что, как мы полагаем, может принести ощутимые результаты. Изучение творчества Флоренского в подобной оптике получит развитие сразу в нескольких плоскостях: речь идет об энергийном, смыслообразующем и темпоральном аспектах.

Определение интертекста и интертекстуальности

Для того чтобы выявить преимущества излагаемой концепции, необходимо определить особенности интертекста, обозначить объем и содержание этого понятия. Применительно к данному направлению теоретизирования необходимо в том числе разграничить трактовку интертекста и интертекстуальности. Исследования в отношении определения понятий проводились не единожды, однако, как это чаще всего бывает в случаях со столь широко понимаемыми идеями и концепциями, прийти к согласию так и не удалось. Более того, граница между понятиями проводится далеко не во всех исследованиях [Фатеева, 1997, с. 12], их могут использовать кореферентно.

Идеи интертекста и интертекстуальности были развиты в XX в. Авторство понятий справедливо приписывают представителям французской интеллектуальной среды, но идейно сходные суждения ранее уже высказывали русские теоретики языкознания, лингвофилософии, философии языка, литературоведения. В первую очередь это А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп; важную роль сыграл также русский формализм, представленный двумя объединениями: ОПОЯЗом в Санкт-Петербурге и Московским лингвистическим кружком, наиболее известными членами которых были В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон, Е.Д. Поливанов, Б.В. Томашевский и многие другие. Своего рода реакцией на идеи русского формализма стала работа М.М. Бахтина [Бахтин, 1975], от филологических и культурфилософских рассуждений которого оставался всего шаг до рождения понятий интертекста и интертекстуальности¹.

¹ М.Б. Ямпольский приписывал наибольшее значение идеям Фердинанда де Соссюра, Ю.Н. Тынянова и М.М. Бахтина. Если же смотреть шире, то все, кто занимался вопросами языка в XX в., так

Впервые понятие интертекста было сформулировано Р. Бартом, определившим границу между текстом и произведением. Понятие интертекстуальности было предложено его ученицей, исследовательницей творчества Бахтина, Юлией Кристевой. Интертекст определяется как массив смыслов, собранных в одном тексте. Интертекст состоит из множества текстов, представленных в качестве незакавыченных цитат. При этом интертекст не является простой суммой компонентов, это синергия смыслов, от взаимодействия которых рождается новый смысл [Барт, 1989, с. 413]. Кристева говорила об интертекстуальности как атрибуте текста, выраженном в интенциональности текстов по отношению друг к другу. По мнению Кристевой, интертекстуальность делает возможным разговор об интертексте в целом, так как является обязательной характеристикой, условием для его складывания [Кристева, 2000, с. 432]. Этот подход снимает вопрос поиска заимствований, так как все, что когда-либо было написано, является частью неохватного пространства текста. Тем самым читатель и текст находятся во взаимодействии, совместно определяя интерпретационные пути восприятия смысла [Барт, 1989, с. 418].

Для позиции Барта, Кристевой и всей постструктуралистской традиции определения интертекста характерна элиминация роли автора, в противовес, например, идеям М.М. Бахтина, говорившего об интересубъективности как свойстве диалогического устройства текста [Бахтин, 1979, с. 275]. Автор текста становится скриптом, находящимся под руководством смысла [Барт, 1989, с. 421]. По утверждению Г.К. Косикова, как структурализм, так и постструктурализм совпадают во взглядах на роль автора, однако находят разные повод и следствия для критических выкладок [Косиков, 2000, с. 6]. Таким образом, идея смерти автора делает позицию французских постструктуралистов довольно радикальной.

Последующее развитие идеи интертекстуальности в работах Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ж.Ф. Лиотара, Ж. Женетта, Ц. Тодорова, М. Риффатера несомненно доказывает актуальность изучения литературного наследия с этой точки зрения. Актуальность изучения литературы в свете интертекстуального подхода отмечалась также в работах Г.К. Косикова [Там же, с. 9], Н.А. Кузьминой [Кузьмина, 1999]. Преимущества и недостатки интертекстуального подхода к изучению литературного наследия рассматривались в статье Иланы Эльканд-Леман и Хавы Гринсфилда [Elkad-Lehman, Greensfeld, 2011, p. 258–275], анализ последствий включения интертекстуального подхода в исследовательскую программу по рассмотрению художественной литературы предложил Марко Джуван [Juvan, 2008, p. 2–8].

В России преемницей идей русского формализма и М.М. Бахтина стала Московско-Тартуская семиотическая школа, представленная в первую очередь Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским, Б.М. Гаспаровым, А.К. Жолковским. О наследовании этой школой идей русского формализма упоминается в статье В.М. Живова. Он уточняет, что интуиции Бахтина при этом были восприняты в реинтерпретированной форме [Живов, 2009, web]. Реминисценции идей формалистов в интеллектуальном наследии Московско-Тартуской школы отмечаются Т.Н. Васильчиковой [Васильчикова, 2016, с. 192] и Е.Ю. Муратовой [Муратова, 2012, с. 30].

Для настоящего исследования важна позиция Ю.М. Лотмана, сформулированная в поздний период его творчества. Хотя Лотман и не использует напрямую понятия интертекста и интертекстуальности, однако артикулирует идеи, во многом совпадающие с дефиницией, предложенной Бартом и Кристевой. Лотман является автором термина «семиосфера», трактуемого в качестве знакового пространства, очерчивающего пределы культуры, обеспечивающего формирование семиотических структур и в то же время являющегося их продуктом [Лотман, 1996, с. 4]. Семиотическая структура

может быть оформлена как минимум двумя системами, только их взаимодействием может быть сгенерировано новое сообщение [Лотман, 1996, с. 22]. Хранителем сообщения является текст, он выполняет три функции: транслирует информацию, генерирует новые смыслы, аккумулирует культурно-историческое сознание [Там же, с. 11–23]. Полученный интертекст позволяет начать интерпретационную работу применительно к смыслам, продуктивность которой напрямую зависит от отношений текста и читателя, выраженных в диалоге [Там же, с. 34]. Тем самым размышления Лотмана становятся неким срединным путем между идеями французских постструктуралистов и русской лингвистической школы.

Таким образом, интертекст представляет собой смысловое пространство, состоящее из множества кодов, высказываний, суждений, из которых впоследствии рождается текст. Свойство текста соотноситься с другими текстами и в результате этого взаимодействия рождать иной, новый смысловой уровень определяется как интертекстуальность.

Наследие П.А. Флоренского в свете идей Р. Барта: текст или произведение

Возвращаясь к творчеству Флоренского с позиции интертекстуальности, в первую очередь необходимо решить вопрос о фигуре автора. Текст Флоренского изобилует множеством черт, позволяющих говорить о наследии философа как о мощном интертекстуальном пространстве. Однако автор, его оценка, его образ прослеживаются на каждой странице, его отпечаток «стереть» невозможно, так как творчество Флоренского носит сугубо личный характер, в том числе и в силу его склонности к мистическому созерцанию. Это верно и в отношении его ранних работ, таких как проект магистерской диссертации. Фактор Автора-личности, который не стерт и не отчужден в текстах, а, напротив, присутствует в них, кажется, создает трудности для применения теории интертекстуальности при анализе корпуса трудов Флоренского.

Решение проблемы возможно при обращении к идеям М.М. Бахтина, считавшего, что текст читателя и текст автора не могут быть полностью разведены. Между ними остается связка [Бахтин, 1979, с. 306]. Автор наполняет текст кодами, которые становятся указателями для читателя в ходе интерпретационной работы. Таким образом, могут быть определены как минимум две стратегии изучения текстов: с точки зрения читателя, пытающегося увидеть смысл, и с позиции автора. Вторая стратегия может быть плодотворной при рассмотрении отношения автора к другим текстам и авторам. Эти отношения принимают форму согласия, противоречия или мимикрии. Они могут быть результатом как сознательной работы автора, так и неосознанного процесса претворения текста. Возможность неосознанного действия автора приближает его к роли скриптора, однако лишение автора притязаний на текст по-прежнему чересчур радикально, так как в вопросе интерпретации смысла он не перестает быть одним из аспектов изучения.

В этом случае Флоренский остается значимой фигурой исследования, хоть и не главной, так как основной задачей становится изучение текста в разных аспектах его функционирования. В первую очередь необходимо привести доказательства того, что наследие Флоренского действительно может считаться интертекстом. Мысль об актуальности использования интертекстуального подхода в изучении наследия Флоренского ранее уже звучала в статье М.А. Кильдяшова, где он отмечает высокий интеллектуализм Флоренского, тематическую множественность его работ, а также открытость мыслителя философским поискам его современников и гениальным прозрениям прошлых эпох [Кильдяшов, 2012, с. 246–247].

Также, являясь метатекстом в широком смысле, работы Флоренского включаются в смысловое поле других текстов – уже это позволяет характеризовать его творчество через интертекстуальность [Ямпольский, 1993, с. 34]. Такой подход предполагает, что любой текст включен в интертекст. Безусловно, подобное решение заслуживает внимания, однако такого свидетельства недостаточно. Данную идею в силу абсолютности ее характера почти невозможно опровергнуть, что делает ее слабой с точки зрения научной доказательности и методологической верифицируемости, а также отсылает к несоответствию требованию фальсифицируемости. В связи с возникающим затруднением мы предлагаем попробовать определить творчество Флоренского как принадлежащее к интертексту, опираясь на основные характеристики текста, изложенные в работе Ролана Барта «От произведения к тексту» [Барт, 1989, с. 413–423].

Барт говорит о неисчислимости текста, его динамическом характере, постоянном преобразении в противоположность статичному произведению, хранящемуся на полке библиотеки. Текст чувствуется только на этапе работы, в процессе производства. Он живет в дискурсе, текст постулирует сам себя. Произведение, наоборот, застывает в ожидании субъекта, который позволит ему зазвучать. Творчество Флоренского так же динамично, специфика его работ в том, что они создают и поддерживают особый религиозно-философский дискурс, наиболее обсуждаемым из которых является «Столп и утверждение истины». После прочтения именно этой работы Н.А. Бердяев назвал православие Флоренского стилизованным, посоветовав ему перестать скрывать свои философские размышления под маской православного богословия [Бердяев, 1989, с. 524]. Неоднозначно восприняли размышления Флоренского Г.В. Флоровский [Флоровский, 2009, с. 702], В.В. Зеньковский [Зеньковский, 2001, с. 615–617], с критикой выступил Е.Н. Трубецкой [Трубецкой, 1998, с. 266]. При этом защита магистерской диссертации, которая в будущем составила значительную часть «Столпа и утверждения истины», прошла настолько блестяще, что ректор МДА, на базе которой проходила защита, епископ Феодор (Поздеевский) отзывался о работе как об исключительной, не находящей аналога в русской литературе, при этом от начала и до конца православной [Исупов, ред., 2001, с. 235–243]. Примечательно и то, что еп. Феодор говорит о Флоренском как об авторе, используя такие определения, как хозяин и творец, направляющий читателя по пути текста [Там же, с. 243]. Заметим, что дискуссия, развернувшаяся в начале XX в., не потеряла своей остроты и сегодня, специфицируя философские и богословские споры, а также историко-философскую проблему природы и содержания русской религиозной метафизики, что позволяет нам продолжить поиск адекватных подходов к изучению наследия Флоренского с учетом имеющихся современных теорий, работающих как в философии, так и в других дискурсивных системах и имеющих, по существу, статус междисциплинарных.

Обращаясь к теории Барта, мы указываем на еще одно свойство текста – невозможность вписать его в жанровую иерархию. Текст становится проблематичным для любой классификации, он стремится вырваться за пределы нормы, за границу знания [Барт, 1989, с. 415]. Произведение, наоборот, живет в классификации, следует ее правилам. Творчество Флоренского в том числе характеризуется внежанровостью. Работа «Столп и утверждение истины» была написана в эпистолярном стиле. По воспоминаниям С.И. Фуделя, такая форма шокировала многих читателей [Исупов, ред., 2001, с. 85]. Сам же Флоренский в пятом письме «Утешитель» говорит о том, что форма письма в противовес статье выбрана неслучайно. Он боится утверждать, но стремится вопрошать [Флоренский, 2003, с. 125], что может подвести к выводу о том, что в тексте ощущается стремление направить мысль за границы написанного, получить ответ читателя и тем самым увидеть новый смысл. Также примером внежанровости могут стать письма, которые Флоренский писал семье

из заключения в Соловках. Чаще всего они были посвящены описаниям природы, рассказам об открытиях, сделанных самим Флоренским, различным интересным фактам из мира животных. Так, в письме № 76 от 19 октября 1936 г. вместе с вопросами о благополучии были приложены изображения поперечного среза водоросли *Laminaria digitata* [Флоренский, 1997, с. 571–573] с приведенными заметками о внутреннем строении растения.

Это расширение жанра во многом связано с тем обстоятельством, что, по убеждению Флоренского, язык обладает свойством антиномичности. Данная характеристика языка была отмечена еще в работах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 2000, с. 32] и А.А. Потебни [Потебня, 1989, с. 41–43]. Принципиальная философская установка Флоренского в отношении языка способствовала расширению мыслительного горизонта, изменяя жесткую жанровую структуру текста. По его мнению, антиномизм способствовал сохранению противоположных, но в то же время одинаково истинных суждений [Флоренский, 2016, с. 173]. Язык в этом контексте трактуется как равновесие вещи и жизни, гармония полюсов [Там же, с. 116, 125]. Нарушение равновесия двух начал ведет к разрушению языка, к уничтожению совокупностей языковых антиномий. Подобный подход к рассмотрению специфики языка дает дополнительное основание для того, чтобы рассмотреть творчество Флоренского с точки зрения интертекстуальности.

Следующей чертой текста, по мнению Барта, является отношение текста к знаку. Текст представляется всецело символичным, он состоит из метонимий, ассоциаций, смысловых переносов. Означающее в поле текста находится в динамике, его элементы перестраиваются, накладываются, выворачиваются [Барт, 1989, с. 416]. Этот процесс неостановим. Произведение выглядит как замкнутая статичная система. Подвижность знака в работах Флоренского можно продемонстрировать следующим примером. Под впечатлением от вечной мерзлоты Дальнего Востока Флоренский написал лирическую поэму «Оро», которую посвятил своему сыну Мику. Во вступлении есть фрагмент, где он пишет о мерзлоте, сравнивая ее с эллинством [Флоренский, 1990, с. 185–186]. Упоминание эллинства напоминает о борьбе между дионисийским и аполлоническим началом, между хаосом и гармонией, между чувствами и логикой – в эллинстве происходит диалектическое взаимодействие этих начал. Похожее описание мерзлоты приведено в «Оро». Мерзлота дарует покой, но не дает жизни развиваться, оставляя почву непригодной для взращивания продуктов питания. Мерзлота уничтожается человеком, но при этом она сохраняет жизнь ороحوнов. П.А. Флоренский объясняет свою мысль в том же ключе. Мерзлота вырастила Оро, провела его через ряд сложностей, позволила Оро приобрести знания, совершенствующие отношение к природе [Флоренский, 1997, с. 380].

Описывая реальность текста, Ролан Барт переходит к множественности смыслов как неустраняемому свойству текста. Текст является полотном смыслов, сквозь которое двигается читатель. Это полотно состоит из множества отсылок, отзвуков. Знаки текста по отдельности понятны читателю, но, собранные в другом порядке, приводят его к нахождению несовпадений, в результате чего генерируется дополнительный смысловой уровень [Барт, 1989, с. 418]. Работы Флоренского написаны сложным языком, наполненным научной терминологией. Как послания домой, так и сугубо философские рассуждения содержат в себе элементы, которые по аналогии с бартовской высохшей рекой, текущей по склону лощины, кажутся несвойственными читаемому тексту. Примером вновь может послужить поэма «Оро», которая заканчивается следующими строками:

Так из тайги Оро попал
В тройной Лежандров интеграл.
[Флоренский, 1990, с. 200]

Для читателя, не разбирающегося в математической теории, понять смысл двустихья оказывается задачей сложно реализуемой.

В воспоминаниях С.И. Фуделя можно найти слова о том, что понимание работ Флоренского затрудняется в силу того, что в них и без того сложные для понимания размышления окутываются колючей проволокой из научной терминологии [Исупов, ред., 2001, с. 49]. «Столп и утверждение истины», помимо основного содержания, дополняется разъяснениями ранее вскользь упомянутых идей. Так, например, для описания аритмологического устройства мира Флоренский приводит выкладки из теории множеств Георга Кантора [Флоренский, 2003, с. 388], которая в более полном виде изложена в работе «О символах бесконечности». Таким образом, в работах Флоренского множатся дополнительные смысловые уровни: богословие с математикой дополняют друг друга, способствуя наиболее полному описанию онтологического устройства мироздания.

Следующая черта текста, изложенная Р. Бартом, – элиминация фигуры автора. Текст предстает в качестве постоянно расширяющейся сети. Текст можно разделять, использовать его фрагменты, не соотносясь с позицией автора [Барт, 1989, с. 419]. Произведение, наоборот, держится за фигуру автора, продвигается им, является высказыванием автора. Творчество Флоренского в данном аспекте противится идее текста. Его работы хоть и наводнены множеством переключек, ссылок на другие тексты, однако вычеркнуть из них фигуру автора невозможно. Это происходит, как было отмечено ранее, в силу того, что личностная позиция Флоренского экзистенциально и содержательно наполняет каждое приведенное рассуждение. Складывается впечатление, что Флоренский говорит со страниц своих работ. Однако этим доводам может возразить он сам. Флоренский отмечал, что порой не различал собственную мысль и мысль своих учителей. В «Столпе и утверждении истины» он писал, что его мысль и мысль о. Серапиона так близки, что понять, где заканчивается одна и начинается другая, является задачей невыполнимой [Флоренский, 2003, с. 474]. Невыполнимой еще и потому, что рукописи о. Серапиона так и не увидели свет. Рассмотрение текста Флоренского как интертекстуального позволяет не искать границу между ними как теоретиками того или иного аспекта идеи, а непосредственно перейти к раскрытию смысловых уровней.

Далее Барт проводит аналогию между текстом и музыкой, самостоятельно проигранной слушателем, дополнившим звучание оригинала собственным уникальным прочтением. Текст, как и музыка, должен быть воспроизведен, но при активном участии читателя, который включается в процесс генерирования смысла, так у текста появляется дополнительный уровень звучания. Таким образом, возрастает роль читателя, который должен *сотрудничать* с текстом [Барт, 1989, с. 421]. Текст Флоренского сам по себе многоголосен и диалогичен [Исупов, ред., 2001, с. 28–29], что отразилось на способах выражения: изобилие комбинаций жанров в одном тексте, полновесный библиографический материал, отсылающий как к мысли прошедших веков, так и к идеям современников. Подобная организация текста выводила читателя в пространство мнений, с которыми можно было согласиться и тем самым оставить их без должного внимания либо потерять покой и встать на путь критических высказываний в отношении той или иной идеи. Неслучайно творчество Флоренского всегда вызывало яркую реакцию читателей, сама фигура его была притягательной и одновременно отталкивающей. В результате чего текст и читатель действительно находятся во взаимодействии, текст *провоцировал читателя отзываться* и таким образом выводил новые витки смыслов.

Финальным положением Р. Барта – и самым субъективным – является спецификация текста с точки зрения удовольствия. Произведение может принести читателю только эстетическое удовольствие от погружения в историю, созданную автором, в то время как текст приносит читателю удовольствие другого порядка. Это

удовольствие свободы действия, свободы пересоздать смысл, удовольствие рассмотреть сокрытое, увидеть равенство языков, самостоятельно создать историю [Барт, 1989, с. 422]. В силу своей провокативности творчество Флоренского способно дать читателю эту свободу. Читатель, погружаясь в его текст, оказывается в точке бифуркации, где перед ним открываются два пути: продолжить чтение, оценив фрагмент как стабильный, не относящийся к интертексту, либо, совершив обращение к культурной памяти, вернуться к прототексту [Тамми, 1992, с. 187] и обнаружить в результате смещение смысла [Jenny, 1976, p. 266].

Основываясь на приведенных характеристиках текста Р. Барта, соотнесенных с творческим опытом Флоренского, можно сделать вывод, что его многожанровое наследие содержит в себе структурные элементы, которые создают предпосылки для понимания его трудов как интертекста. Данный вывод позволяет выстроить программу исследования творчества Флоренского с точки зрения теории интертекстуальности. Эта программа будет заключаться в минимизации освещения роли автора, а также в переносе акцента с поиска и интерпретации воспринятых идей на изучение текста и смысла, в нем помещенного.

Программа интертекстуального исследования наследия П.А. Флоренского

Предложенная программа предполагает обращение к творчеству Флоренского сразу в нескольких плоскостях, а именно в энергийной и темпоральной. Данные характеристики текста находятся в активном взаимодействии, позволяя друг другу раскрываться в наиболее полной мере и тем самым порождать новые смыслы.

Первым аспектом рассмотрения текста Флоренского как интертекста может стать его энергийная сторона. Еще В. фон Гумбольдт размышлял о том, что язык является деятельностью – *Energieia*, в противоположность результату действия – *Ergon* [Гумбольдт, 2000, с. 37]. Действительно, динамичность текста, его перевоплощения приводит нас к выводу о том, что как текст находится в движении, так и читатель обязан проделывать определенную работу по взаимодействию с текстом. Эта работа по созданию смыслов зависит от энергии текста и читателя.

Энергия может быть охарактеризована с двух позиций: как эксплицитная и имплицитная величины. Эксплицитная составляющая способствует восприятию читателем текста. Благодаря эксплицитной энергии сохраняется устойчивость интертекста, вследствие чего реализуется преемственность смыслов. Имплицитная часть, наоборот, способствует динамичности языка, его изменчивости внутри интертекста. Имплицитная энергия влияет на ревалоризацию смыслов.

Тексты неоднородны по уровню транслируемой энергии, вследствие чего отдельно взятые тексты могут продуцировать неодинаковое количество текстов и, соответственно, качественно иной смысл. Сотрудничество читателя с текстом может повлиять на генерацию смыслов: как текст транслирует энергию, так и читатель направляет энергию в обратном направлении, синергия взаимодействия читателя и текста резюмируется дополнительным, ранее не артикулированным смыслом.

В связи с этим важно учитывать, как тексты Флоренского воспринимались. Хорошо известно, что по политическим причинам наследие философа на долгие годы оказалось в забвении. Однако какими бы серьезными ни были усилия по «сокрытию» его трудов, даже после изъятия работ из открытого доступа, современники, ученики, семья Флоренского продолжали обращаться к его размышлениям на страницах своих мемуаров, транслируя читательскую энергию – опыт сотрудничества с текстом выдающегося мыслителя, сохраняя его тем самым живым в культурной памяти потомков, о чем свидетельствуют мемуары Белого, Волкова, Ельчанинова, Левина, Фуделя

и многих других [Исупов, ред., 2001, с. 33–196]. После открытия архивов П.А. Флоренского произошел взрыв интереса к его текстам, подтвердивший значимость его наследия в рамках традиции русской философии эпохи Серебряного века.

В этом плане мы можем посмотреть на труды Флоренского в большой системе русского философского метатекста. Его собственный текст в этой системе становится диалогичным, изобилующим ссылками на тексты его предшественников и современников: «Существенное отрицание Бога и безумие – одно и то же, слиты и неразделимы, – явление художественно и в развитии своем изображенное Л. Толстым и Ф. Достоевским» [Флоренский, 2003, с. 402]; «Это – сверхсознательная мистика, мистика, доведенная до ответственности, до предметного знания об ином. Такая мистика может быть, по Соловьеву, называемая “свободной теософией”» [Флоренский, 1994а, с. 252]. Текст тем самым вписывается в традицию.

Текст Флоренского множественными обращениями к источникам генерирует широчайший спектр смыслов, аккумулируя внутреннюю энергию, чтобы впоследствии транслировать ее другим читателям, другим текстам. Процессу смыслообразования способствует язык, на котором говорит текст. Он характеризуется как поэтический в силу большого скопления в тексте разнообразных тропов и стилистических фигур. Так как поэтический язык может быть охарактеризован с точки зрения амбивалентности, текст, выраженный таким образом, дополнительно достраивается многозначностью своих структурных единиц, способствует генерации дополнительного смыслового поля и нахождению текстов Флоренского вне иерархии жанров. «Лицо – это свет, смешанный со тьмою, это тело, местами изъеденное искажающими его прекрасные формы язвами» [Флоренский, 2003, с. 487], – образность приведенной цитаты усложняет раскрытие идеи, однако при обращении к текстам Евангелия от Иоанна и Августина Блаженного она открывается читателю.

Перед глазами читателя оказывается живой эмоциональный текст, с множеством обращений, описанием переживаний и в то же самое время изобилующий научной терминологией: «Рационализм с метафизикой шли под флагом дифференциалов, эмпиризм с феноменизмом – под флагом производных. – Далее, это разногласие еще обострилось, когда школа немецкая (Вольф и Мейер) и школа английская (Локк и Юм) стилизовали воззрения родоначальников. Мысль XVIII в. кончала величайшим расколом» [Флоренский, 1994б, с. 18]. Текст находится в диалогичных отношениях с читателем, но на языке усложненном, амбивалентном, выводящем читателя в позицию выбора. П.А. Флоренский при этом как автор не элиминируется полностью, он оставляет указатели, подсказки к дешифровке кодов. Текст всегда остается на грани читательского восприятия, его пороговой возможности, вследствие чего читатель провоцируется к обмену большим количеством энергии и тем самым к порождению смысла. Таким образом, смыслообразующая сторона текста способствует аккумуляции идей, наделению забытых текстов новым звучанием либо подтверждению статуса текстов с сильным энергетическим зарядом как классических и востребованных современностью.

Второй аспект рассмотрения – темпоральная сторона текста. Темпоральность говорит о процессе претворения смысла в тексте. Временная характеристика является необходимым условием для жизни текста, так как именно время создает возможность для взаимодействия смыслов внутри интертекста. Так, элементы текста попеременно играют роль то субъекта, то предиката, изменяя свой статус в зависимости от времени.

Время интертекста и время автора текут в разном темпе. Динамический текст, очерченный автором, и читатель несут разные энергетические заряды. Результатом их столкновения становится синхронизация темпов, что приводит к процессу смыслообразования. Совпадение ритмов автора и читателя приводит к формированию ранее не существовавшей организации смыслов, в результате чего рождается условный

третий текст. Очерчивание одного текста в рамках другого текста сдвигает временной поток первого текста. Подобное включение трансформирует смысл текста в перспективе современного переписывания, сохраняя при этом память о его первом прочтении. Память, в свою очередь, является носителем огромного смыслового поля, она способна возродить первоначальный смысл. В этой перспективе настоящее и прошлое оказываются в тесном взаимодействии. Настоящее, однако, двигается в двух направлениях: в прошлое, включая в себя незакавыченные цитаты, и в будущее, бесконечно стремясь к обретению полноты смысла. Интертекст находится в настоящем, тем самым расползаясь по всей временной оси: «Мысль зачата и воплотилась, родилась и выросла; ничто уж не вернет ее в утробу матери: мысль – самостоятельный центр действий. В этом смысле правильно толкование (Пелагий, Бенгель, Гофманн), в “материалах” усматривающее различных членов Церкви: ведь эти последние – раскрытие во вне и плод внутренней жизни религиозного деятеля» [Флоренский, 2003, с. 195]. Темпоральность, таким образом, сопутствует интертекстуальности, способствуя генерации смыслов.

Тексты П.А. Флоренского с точки зрения их темпоральности обретают способность наполнить энергией тексты, которые находились на периферии смыслов. Такими текстами являются, например, рукописи о. Серапиона (Машкина), Н.В. Бугаева. Энергичная сила текста Флоренского значительна, ведь она не только сохранила текст во взаимодействии с читателем, но и включила в это взаимодействие текст о. Серапиона. В отношении будущего смысл текстов Флоренского выразился в стремлении объять все сферы развития мысли. Подобная установка не является осознанным выбором автора, скорее широкоохватность знаний, высокая энциклопедичность подготовила для этого основу. Текст в совокупности, таким образом, становится энергично сильным смыслогенерирующим провокатором возникновения новых текстов с включением в них текста Флоренского-автора.

Рассмотренные нами возможности интертекстуального анализа наследия П.А. Флоренского позволяют сделать вывод, что данный подход может быть эвристически продуктивным в вопросе выбора методологической базы для изучения такого сложного предмета, как творчество Флоренского. Мы предложили некоторые элементы программы интертекстуального исследования, отметив недостатки и достоинства применения данного подхода к изучению корпуса трудов русского мыслителя. В этой перспективе творчество философа, по нашему мнению, предстает как текст с множественными смыслами, открытыми к взаимодействию с интертекстом отечественной и мировой мысли, выраженной на философском, богословском, художественном, научном языках.

Список литературы

- Барт, 1989 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Сост. и пер. с фр. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Бахтин, 1924 – *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном творчестве // *Вопр. литературы и эстетики: исследования разных лет.* М.: Художественная литература, 1975. С. 6–72.
- Бахтин, 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Бердяев, 1989 – *Бердяев Н.А.* Стилизованное православие // *Типы религиозной мысли в России.* Париж: YMCA-Press, 1989. С. 517–536.
- Васильчикова, 2016 – *Васильчикова Т.Н.* Теория интертекста в филологии: основные этапы исторического формирования // *Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки.* 2016. Т. 18. № 1–2. С. 189–195.
- Гумбольдт, 2000 – *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 2000. 456 с.

- Живов, 2009 – *Живов В.М.* Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4/moskovsko-tartuskaya-semiotika-ee-dostizheniya-i-ee-ogranicheniya.html> (дата обращения: 09.11.2022).
- Исупов, ред., 2001 – П.А. Флоренский: pro et contra / Ред. К.Г. Исупов. СПб.: Издательство РХГИ, 2001. 824 с.
- Кильдяшов, 2012 – *Кильдяшов М.А.* Экстраполяция идеи интертекстуальности на наследие П.А. Флоренского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 244–248.
- Косиков, 2000 – *Косиков Г.К.* Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму // «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) / Пер. с фр., сост. и вступит. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 3–48.
- Кристева, 2000 – *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 27–47.
- Кузьмина, 1999 – *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Омск: Омский гос. университет, 1999. 268 с.
- Лотман, 1996 – *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Муратова, 2012 – *Муратова Е.Ю.* Интертекстуальность как фактор смыслопровождения в поэтическом тексте // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 29–33.
- Потебня, 1989 – *Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М.: Правда, 1989. 627 с.
- Тамми, 1992 – *Тамми П.* Заметки о полигенетичности в прозе Набокова // Проблемы русской литературы и культуры. Хельсинки, 1992. С. 181–194.
- Трубецкой, 1914 – *Трубецкой Е.Н.* Свет Фаворский и преображение ума // Русская мысль. М.: Путь, 1914. С. 25–54.
- Фатеева, 1997 – *Фатеева Н.А.* Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия российской академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 12–21.
- Флоренский, 1994а – *Флоренский П.А.* Гамлет. М.: Мысль, 1994. С. 250–281.
- Флоренский, 1994б – *Флоренский П.А.* Космологические антиномии Иммануила Канта. М.: Мысль, 1994. С. 3–34.
- Флоренский, 2000 – *Флоренский П.А.* Оро // Среди других имен / Под ред. В.Б. Муравьева. М.: Московский рабочий, 1990. С. 183–200.
- Флоренский, 1997 – *Флоренский П.А.* Письмо № 40, 76 // Письма с Дальнего Востока и Соловков. М.: Мысль, 1997. Т. 4. С. 380, 571–573.
- Флоренский, 2003 – *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 640 с.
- Флоренский, 2017 – *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. М.: Академический проект, 2017. 684 с.
- Флоровский, 2009 – *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
- Ямпольский, 1993 – *Ямпольский М.Б.* Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК «Культура», 1993. 464 с.
- Genette, 1982 – *Genette G.* La Littérature Au Second Degré, Poétique. Paris: Seuil, 1982. 652 p.
- Elkad-Lehman, Greensfeld, 2011 – *Elkad-Lehman I., Greensfeld E.* Intertextuality as an Interpretative Method in Qualitative Research // Researchgate. 2011. P. 258–275.
- Juvan, 2008 – *Juvan M.* Towards a History of Intertextuality in Literary and Culture Studies // Comparative Literature and Culture. 2008. Vol. 10. No. 3. P. 2–8.

Intertextual Approach in the Study of Works by P.A. Florensky

Marina V. Zhukova

School of Philosophy and Cultural Studies. HSE-University. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: mv.zhukova@list.ru

The article highlights the possibility of considering the works by P.A. Florensky through the prism of an intertextual approach. In order to fully determine the relevance of the intertextual approach to the study of this issue, the article articulates such concepts as intertext and intertextuality, and

Florensky's legacy itself is considered from the point of view of Barth's idea of the Text. A program for studying Florensky's works is proposed based on the conclusions. This program consists in considering the author's legacy with an emphasis on reading the text and the meanings embedded in it without searching for borrowed the other philosophers' ideas. At the same time, the article summarizes the importance of preserving the figure of the author as the creator of the text, although in a situation of reducing his role, as opposed to the intertextual approach where the role of the author is eliminated, replaced with a scriptor. Intertextual optics allows us to characterize Florensky's texts in terms of their high ability to generate new texts and inherent meanings.

Keywords: Pavel Florensky, Roland Barthes, intertext, intertextuality, poststructuralism, methodology, philosophy of language, Russian philosophy

References

- Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], comm. by S.G. Bocharov. Moscow: Art Publ., 1979. 423 p. (In Russian)
- Bakhtin M.M. Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom tvorchestve [The Problem of Content, Material and Form in Verbal Creativity]. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies of Different Years]. Moscow: Artistic literature Publ., 1975, pp. 6–72. (In Russian)
- Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics], trans. by G.K. Kosikov. Moscow: Progress Publ., 1989. 616 p. (In Russian)
- Berdyayev N.A. Stilizovannoe pravoslavie [Stylized Orthodoxy]. In: *Tipy religioznoi mysli v Rossii* [Types of Religious Thought in Russia]. Paris: YMCA-Press, 1989, pp. 517–536. (In Russian)
- Elkad-Lehman I., Greensfeld E. Intertextuality as an Interpretative Method in Qualitative Research, *Researchgate*, 2011, pp. 258–275.
- Fateeva N.A. Intertekstual'nost' i ee funktsii v khudozhestvennom diskurse [Intertextuality and its Functions in Artistic Discourse], *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 1997, vol. 56, no. 5, pp. 12–21. (In Russian)
- Florensky P.A. *Hamlet*. Moscow: Mysl Publ., 1994, pp. 250–281. (In Russian)
- Florensky P.A. *Kosmologicheskie antinomii Immanuila Kanta* [Antinomies of Cosmology by I. Kant]. Moscow: Mysl Publ., 1994, pp. 3–34. (In Russian)
- Florensky P.A. Oro [Oro]. In: *Sredi drugikh imen* [Between Other Names], ed. by V.B. Muravyev. Moscow: Moscovsky rabochiy Publ., 1990, pp. 183–200. (In Russian)
- Florensky P.A. Pis'mo № 40 [Letter No. 40]; Pis'mo № 76 [Letter No. 76]. In: *Pis'ma s Dal'nego Vostoka i Solovkov* [Letters from the Far East and Solovki]. Moscow: Thought Publ., 1997, vol. 4, p. 380. (In Russian)
- Florensky P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoi teoditsei* [The Pillar and the Affirmation of Truth: The Experience of Orthodox Theodicy]. Moscow: LLC "AST Publishing House", 2003. 640 p. (In Russian)
- Florensky P.A. *U vodorazdelov mysli* [Watersheds have Thoughts]. Moscow: Academic project Publ., 2017. 684 p. (In Russian)
- Florovsky G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of Russian Theology]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ., 2009. 848 p. (In Russian)
- Genette G. *La Littérature Au Second Degré*. Paris: Seuil, 1982. 652 p.
- Humboldt W. von. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow: Progress Publ., 2000. 456 p. (In Russian)
- Juvan M. Towards a History of Intertextuality in Literary and Culture Studies, *Comparative Literature and Culture*, 2008, vol. 10, no. 3, pp. 2–8. (In Russian)
- Kildyashov M.A. Ekstrapolyatsiya idei intertekstual'nosti na nasledie P.A. Florenskogo [Extrapolating Intertextuality to P. Florensky's Heritage]. *Problems of History, Philology, Culture*, 2012, no. 2, pp. 244–248. (In Russian)
- Kosikov G.K. Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism]. In: "Struktura" i/ili "tekst" (strategii sovremennoi semiotiki) ["Structure" and/or "Text" (Strategies of Modern Semiotics)], trans. by G.K. Kosikov. Moscow: Progress Publ., 2000, pp. 3–48. (In Russian)

Kristeva J. Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel]. In: *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism], trans. by G.K. Kosikov. Moscow: Progress Publ., 2000, pp. 427–457. (In Russian)

Kuzmina N.A. *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its Role in the Processes of Evolution of Poetic Language]. Omsk: Omsk State University Publ., 1999. 286 p. (In Russian)

Lotman J.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Man – Text – Semiosphere – History]. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1996, 464 p. (In Russian)

Muratova E.J. Intertekstual'nost' kak faktor smysloprovzhdeniya v poehticheskom tekste [Intertextuality as a Factor of Semantic Accompaniment in a Poetic Text], *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 2012, no. 2 (16), p. 30. (In Russian)

P.A. Florenskii: pro et contra [P.A. Florensky: pro et contra], ed. by K.G. Isupov. St.-Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 2001. 824 p. (In Russian)

Potebnja A.A. Mysl' i yazyk [Thought and Language]. In: *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow: Truth Publ., 1989. 627 p. (In Russian)

Tammy P. Zametki o poligenetichnosti v proze Nabokova [Notes on Polygenetics in Nabokov's Prose] In: *Problemy russkoi literatury i kul'tury* [Problems of Russian Literature and Culture]. Helsinki, 1992, pp. 181–194. (In Russian)

Trubetskoy E.N. Svet Favorskii i preobrazhenie uma [The Light of Tabor and the Transformation of the Mind]. In: *Russkaya mysl'* [Russian Thought]. Moscow: Way Publ., 1914, pp. 25–54. (In Russian)

Vasilchikova T.N. Teoriya interteksta v filologii: osnovnye etapy istoricheskogo formirovaniya [Intertext Theory in Philology: the Main Stages of Historical Formation], *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences*, 2016, vol. 18, no. 1–2, p. 192. (In Russian)

Yampolsky M.B. *Pamyat/ Tiresiya. Intertekstual'nost' i kinematograf* [Memory of Tiresias. Intertextuality and Cinematography]. Moscow: RIC "Culture" Publ., 1993, 464 p. (In Russian)

Zhivov V.M. *Moskovsko-tartuskaya semiotika: ee dostizheniya i ee ogranicheniya* [Moscow-Tartu Semiotics: its Achievements and its Limitations]. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/4/moskovsko-tartuskaya-semiotika-ee-dostizheniya-i-ee-ogranicheniya.html> (accessed 09.11.2022). (In Russian)